

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

20-е ЯНВАРЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Конституція и народъ. — 2) Причины перевѣса чиновничества надъ земствомъ. — 3) Конецъ крамолы и сохраненіе осады. — 4) Студенческія волненія въ Харьковѣ (Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»). — 5) Земскіе проекты. II. Новгородское земство о мѣстномъ управленіи и крестьянскомъ землевладѣніи. — 6) Восемьдесятъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ I—II. З. С. — 7) Быть или не быть парламентаризму? (Окончаніе), В. Гольштейна. — 8) Пропаганда и заговоръ въ южной арміи въ 1825 г. (Окончаніе), Ц. — 9) Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу (Берлинскія письма). I. Argus. — 10) Письма о политическо-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. V. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи, Н. Жебуева. — 11) Послѣдніе крестьянскіе митинги въ Австріи, I. В. Мак. — 12) Извѣстія и замѣтки: I. Одинъ изъ казенныхъ російскихъ юбилеевъ. II. Слухи о высылкѣ изъ Петербурга гг. Н. Михайловскаго и Шелгунова.

ЖЕНЕВА, 20 января 1883.

Мы надѣемся, что читатель не забылъ писемъ изъ Сибири, полныхъ интересныхъ фактовъ, «Крестьянскіи переселенія и надежды», помѣщенныхъ въ 50 и 51 номерахъ «Вольнаго Слова». Мы намѣрены сегодня ухватиться за одну фразу изъ этихъ писемъ: «какъ всѣ чаянія русской интеллигенціи вертятся вокругъ одного (?) : конституціи, — народныя надежды сводятся тоже къ одному: къ землѣ» (№ 51, стр. 9), и поговорить о томъ, дѣйствительно ли и въ народѣ нѣтъ чаянія своего рода конституціи?

Намъ кажется, что есть. Мы уже напомнимъ, въ примѣчаніи къ первому письму нашего сибирскаго сотрудника, крестьянскую фразу, которую мы встрѣтили въ одной изъ корреспонденцій въ «Недѣль», т. е. въ той именно газетѣ, которая изъ-за довольно туманнаго народничества (и будто подъ цензурою народничество можетъ быть не туманнымъ даже при ясности мысли у его адептовъ?) борется, съ достойнымъ лучшей цѣли усердіемъ, противъ «либерализма». Фраза эта свидѣтельствуетъ, что народъ стремится переселиться туда, «гдѣ земли побольше, а начальства поменьше».

Въ помѣщенномъ въ 40 №-рѣ «В. Сл.» письмѣ изъ Бѣлоруссіи встрѣчаемъ крестьянскую фразу, которая гласитъ въ переводѣ: «кажется, такъ много платимъ, такъ много этого начальства, а жить трудно, край припѣсненъ, обголенъ». Въ томъ же №-рѣ нашъ корреспондентъ изъ правобережной Украины говоритъ: «теперь чаще, чѣмъ прежде, приходится слышать отъ крестьянъ разсужденія, выражающіяся въ слѣдующихъ словахъ: «не надо намъ этихъ чиновниковъ; управимся сами» (стр. 7).

Развѣ же это не «конституціонныя стремленія»? Развѣ описанные въ прошломъ №-рѣ нашей газеты самовольные опыты галицкихъ крестьянъ (такихъ же украинцевъ, какъ и жители юго-западной Россіи) устроить громадскую автономію — не конституціонные опыты? Правда, галицкіе крестьяне, устраивая такъ, чтобъ громада была «сама въ себѣ» (подумай, что они по гречески учились или, по крайней мѣрѣ, Прудона читали!), въ то же время говорили, что такая воля пришла имъ отъ «царя» и что громада и впредь будетъ зависѣть отъ этого царя, — а теперь замѣняютъ царя «Маскалемъ». Но если бъ не было такой мнѣологической примѣсы къ конституціоннымъ стремленіямъ украинскіхъ крестьянъ, тогда бы и въ самомъ дѣлѣ не было разницы между ними и авторомъ книги «Du principe fédératif». На то и есть «интеллигенція», чтобъ систематизировать и повести дальше стремленія «народа». А что точка соприкосновенія между конституціонными стремленіями интеллигенціи и народа существуетъ, — это кажется намъ несомнѣннымъ. Бѣда только въ томъ, что конституціоналисты интеллигентные запяты мыслію больше о верхушкахъ конституціоннаго зданія, — парламентахъ, министрахъ, царяхъ, президентахъ, и, по разнымъ причинамъ (своекорыстію, недомыслію, мечтамъ о благодѣтельности народа посредствомъ воздѣйствій власти и пр.), оставляютъ безъ вниманія разработку вопроса о нижнихъ его этажахъ, наиболѣе близкихъ простому народу, — а этотъ

послѣдній, по другимъ причинамъ (главнымъ образомъ по узкости своей сферы опыта), не имѣетъ понятія объ устройствѣ самоуправленія на дальнѣйшихъ отъ непосредственно его касающихся ступеняхъ общественной террасы. Но, напр., галицкіе крестьяне, пренебрегая нынѣшней австрійской конституціей и радуясь возможности отиѣны «Маскалемъ» нынѣшнихъ уѣздныхъ учрежденій, въ то же время стоятъ за «вольность» въ громадскомъ устройствѣ. Мало того, — эти крестьяне, разъ устроивши себѣ (незаконно) автономную громаду (въ Жабѣ), обращаются съ «радами» (совѣтами) въ другія громады и, такимъ образомъ, вступаютъ на дорогу къ болѣе широкимъ организаціямъ: сначала, конечно, волостнымъ, уѣзднымъ, а дальше къ областнымъ и государственнымъ, конечно, на томъ же автономномъ началѣ. Если такъ называемая интеллигенція, сама отрѣшившись отъ централистически-бюрократической метафизики, станетъ на реальную почву интересовъ лицъ и группъ, сообразно естественному росту этихъ интересовъ, требующихъ, для ихъ удовлетворенія, все большихъ общественныхъ союзовъ, — то интеллигенціи этой не трудно будетъ сойтись съ народомъ и помочь ему сознать необходимость расширенія этихъ союзовъ, а равно и необходимость основанія и самаго широкаго изъ нихъ на началѣ представительномъ, а не единоличномъ. Такимъ образомъ будетъ наполнена пропасть, раздѣляющая теперь конституціонныя (если уже употреблять это слово) стремленія такъ называемыхъ интеллигенціи и народа, и эти стремленія сомкнутся въ цѣль послѣдовательныхъ круговъ самоуправленія. Само собою разумѣется, что при этомъ не должно быть (да и не можетъ быть) забываемо, что самоуправленіе есть только форма, которая должна быть наполнена реальнымъ содержаніемъ: удовлетвореніемъ нуждъ населенія, экономическихъ и культурныхъ.

Обращаясь къ интеллигенціи народовъ, входящихъ въ составъ Россіи, мы съ удовольствіемъ видимъ, что интеллигенція эта

далеко не лишена и сознания необходимости самоуправления, и понимания значения для этого самоуправления автономной организации мелких общественных групп, наиболее близких массам, и, наконец, далеко не лишена чувства социальной справедливости по отношению к т. н. простому народу, — так что здесь мы имеем много возможностей для устройства неподдельного народного самоуправления и наполнения его интересным для масс содержанием. Если чего не достаёт теперь этой интеллигенции, то не столько вышеупомянутого сознания и чувства, сколько энергии да ещё численности, которая, впрочем, в сложных общественных вопросах часто и обуславливает собою и энергию. Вот почему, при всей отсталости России от западных стран Европы (в которых, как это можно видеть, напр., и по печатаемым у нас статьям, напр., «Быть или не быть парламентаризму?» и др., вопрос об устройстве действительного самоуправления стоит тоже на очереди, хотя и с другими отблесками), и всё основанное на возможности учреждения в России самоуправления на всех ступенях общественной организации и в направлении его на удовлетворение существенных народных нужд.

Сосредоточение усилий всех отблесков интеллигенции в видах скорейшего приобретения этого самоуправления и разъяснение ими в этих же видах народу значения всех его ступеней — составляет, по нашему мнению, настоятельную необходимость теперешнего времени. Было бы большою ошибкою со стороны «народников», если бы они, руководствуясь мыслию, что «чаши народа сводятся к одному, к земле», а не к конституции, отнеслись с пренебрежением к вопросу об установлении в России самоуправления в возможно скорейшем времени. Совершенно непостижимо, на чём могут основывать легальные российские земле-передельцы свои надежды на то, что теперешнее монархически-бюрократическое правительство России может сделать так, что, употребляя выражение г. Энгельгарда, «земли перейдут в руки земледельцев», и на чём основаны утешать себя, подобно г. В. В., автору книги о «Капитализм в России», тем, что Россия удастся осуществить идею равенства и братства, если уже ей не суждено бороться за свободу? Кто, как не это правительство своею податною системою, своим всесторонним сдирством уничтожило почти весь движимый капитал крестьянства и отняло у последнего возможность без всякого насильственного захвата взять в свои владения значительную часть помещичьих

земель, не говоря уже о землях казенных, из которых даже в правление Александра II около 20.000.000 десят. земли роздано было в руки частных владельцев, при чём земли эти раздавались чиновникам даже в таких густонаселённых местах, как юго-западные губернии*). Но если бы какими-нибудь чудом царское правительство надумалось взяться за национализацию земли в России, — то есть ли какая-нибудь возможность произвести что либо подобное и устроить систему всеобщего пользования землею (а в этом, а вовсе не в передёль, и заключается сущность вопроса) в самоуправлении мелких и крупных групп и союзов?

Не более основательны надежды и земле-передельцев нелегальных, которые ждут скорого перехода земли в руки земледельцев путём возмания народа, разочарованного в надеждах на царя. Мы не раз имеем случаи указывать на хронический и при этом энический характер крестьянских мечтаний, которые уже по этому одному не могут иметь реально-политического значения. При том же свидетельства наблюдателей, — между прочим, и вышеупомянутых наших корреспондентов, — показывают, что общественные ожидания крестьян начинают разсвяться и разрываться пребуржуазным образом, — переселениями и покупкою земли крестьянами, конечно, более богатыми, которые составят класс собственников, гораздо более противный идею национализации земли, чём помещичий класс из дворян. Не лишено значения и обстоятельство, замеченное г. Энгельгардом (Из деревни. 451), что самыми яркими пропагандистами идеи отобрания земли от господ являются в селах богатые мужики, кулаки. Это обстоятельство усиливает, так сказать, буржуазную ноту землепередельских мечтаний наших крестьян. Нота эта, конечно, всего более сильна там, где общинное землевладение уже замесно подворным. Но и в областях с землевладением общинным теперешние крестьянские мины, каждый порознь, представляют из себя узких собственников, которым ещё предстоит пройти школу более широкой солидаризации усилий в волостях, волостях (в роду проектируемых Новгор. земством; см. далёе) и уездах, для

*) В Киевской губ. казна продала чиновникам на «льготных условиях», т. е. почти даром, более 100.000 дес. издавна волиных земель, не считая недавно конфискованных. Среди других особенностей, неизвёстных Западной Европе, существует и такая: крестьяне терпят от малоземелья, благодаря бюрократическо-сословному способу их экспансии и стеснениям в передвижении населения, и в то же время даже в населённых губерниях средней полосы сотни тысяч десятин земли лежат необработанными, благодаря отсутствию и у помещиков, и у крестьян движимого капитала для их обработки.

того, чтобы подняться до идеи социализации земледельческого хозяйства от теперешнего верстания надёлов по «податным думам» в случайно составленных поместных мерах, которые не знают другого способа в рёшениях между-мирских столкновений, кроме драки и тизбы. Самоуправление в том роде, о каком мы говорили, является для нашего крестьянства не только освобождением его кармана от тысячи видов сдирства со всеми его социально-экономическими последствиями, но и кадрами солидаризации интересов и экономической кооперации в постепенно расширяющихся разгарах.

С настоящего №-ра мы начинаем печатать статью «Восемьнадцать лет войны чиновничества с земством», которая представляет обзор важнейших прений, поставленных агентами правительства деятельности земского представительства. Как в начале статьи, так и в конце её, у читателя является вопрос: где же причина справедливо оплакиваемого автором перевеса чиновничества над земством? Автор, очевидно, желая только сделать фактический обзор описываемой им войны, — уклонился от разгара и даже постановки этого вопроса. Но мы считаем себя обязанными попытаться дать ответ на этот вопрос, который, впрочем, в сущности читатель может предугадать наперед: самоуправление хозяйственное не возможно без самоуправления административного, — а самоуправление последнее без государственного.

Конец крамолы и сохранение осады. Недвижимо назад в важнейших иностранных газетах появились, конечно, по заказу, корреспонденции из Петербурга о том, что революционная крамола в России, равно как и антиеврейские беспорядки, выведенные мурками мбрами гр. Толстого и что теперь в двор. в России могут наслаждаться миром и спокойствием. Двор действительно перебрал в Петербург, — и последние №-ра русских газет описывают уже рауты у министров и общаются очень весёлым и оживлённым сего в высшем обществе. При чтении этих вестей, невозможно, конечно, вспомнить о Лорис-Меликовском усмирении России. Но может быть, и в самом деле русской государственной полиции удалось на этот раз с успехом выполнить, приписанную ей пост 1-го марта, систему уловлений «народовольцев» посредством подбивания их скорее израсходовать себя на предприятия против личности нового царя. Во всяком случае, является вопрос: если крамола так разбита, то против кого же остаются в действительности генерал-губернаторы и усиленная охрана со всеми их уловствами для жителей охраняемых губерний и долго ли будут томиться в арестах и ссылках без разбора нахватавшие охранителями сотни, если не тысячи граждан?

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В ХАРЬКОВЕ.

(Письмо в редакцию «Вольного Слова»)

«Злойбы дня» у нас, как во всех других университетских городах, так называемые студенческие волнения. Как много и было говорено и писано об этом явлении, неизменно присущем Российской общественной жизни, но пока известное общественное явление существует или периодически возобновляется в самых рёзких формах, вследствие причин, глубоко коренящихся в нашей государственном устройстве, до тех пор и